

УДК 323+130.12

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПАМЯТИ И ЦЕННОСТИ
МАССОВОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ
РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ**

Беляев Е.В., Линченко А.А.

В статье рассматриваются актуальные вопросы современного состояния государственной политики памяти в Российской Федерации. Выявляются ключевые риски государственной политики памяти, и возможные стратегии ее формирования в российском коммеморативном пространстве. Государственная политика памяти рассматриваются в контексте трансформации ценностей массового исторического сознания россиян. Выявляются наиболее значимые проблемы и противоречия дальнейшей реализации государственной политики памяти в Российской Федерации.

Ключевые слова: государственная политика памяти, массовое историческое сознание, историческая политика, коммеморативное пространство, современная Россия.

**STATE POLITICS OF MEMORY AND THE VALUES
OF THE MASS HISTORICAL CONSCIOUSNESS
IN MODERN RUSSIA: ISSUES AND CONTRADICTIONS**

Belyaev E.V., Linchenko A.A.

The article addresses the topical issues of the current condition of the state memory politics in the Russian Federation. It also identifies key risks and possible strategies of the implementation of the state memory politics in the Russian commemorative space. The state memory politics is considered through the context of values transformation of the Russian mass historical consciousness. The authors also determine the most important problems and contradictions of the further implementation of the state memory politics of the Russian Federation.

Keywords: state politics of memory, mass historical consciousness, historical policy, commemorative space, Modern Russia.

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ 16-33-01019 «Государственная политика памяти в Российской Федерации: философские основания и стратегии реализации».

Проблемы формирования и реализации в современной России государственной политики памяти как отдельного направления государственной политики, сопоставимого по своим масштабам с молодежной, национальной, культурной и образовательной сферами государственной политики, привлекают все большее внимание, как представителей власти, так и представителей науки и общественности. Усилия государственной власти по консолидации общества в России в последние годы актуализируют поиски новых образов национальной идентичности, в которой историческая память продолжает оставаться одним из важнейших символических ресурсов. Нарастание международной напряженности оборачивается усилением, прежде всего, мемориальных войн, публичными высказываниями политиков относительно острых моментов прошлого, использованием крупных исторических праздников как средств поиска идеологического и политического консенсуса или размежевания. Это становится особенно заметно на фоне празднования Победы в Великой Отечественной войне. В этой ситуации речь все чаще идет о формировании единой и последовательной государственной политики памяти или ее региональных элементов.

Вместе с тем, всякий, кто берется писать о государственной политике памяти в современной России не может не признать наличие целого ряда скрытых, а подчас и явных противоречий, наличие которых делает разговоры о наличии государственной политики памяти в РФ если не тщетными, то, по крайней мере, преждевременными. Это, однако, не означает, что такая политика не может быть создана. Вопрос в адекватности той структуры коммеморативного пространства, которая сложилась в современной России и тех глобальных тенденциях, вне которых политика памяти как таковая просто не может быть реализована. Поэтому критическая направленность данной

статьи состоит не в полагании неких позитивных оснований, которые раз и навсегда могут быть положены в основу какой-либо определенной политики памяти в нашей стране, а скорее – в размышлениях о том, какой государственная политика памяти быть сегодня уже не может.

Вместе с тем, анализ тех принципов и потенциальных рисков, которые должны быть учтены в процессе формирования в России государственной политики памяти должны учитывать состояние и особенности массового исторического сознания. Речь идет о тех тенденциях, которые характеризуют метаморфозы исторической памяти и исторического сознания наших соотечественников в постсоветский период.

Что такое политика памяти сегодня?

Постараемся определить для себя исходное определение политики памяти и ее отличия от близких по значению понятий «историческая политика», «политическое присвоение прошлого», «мемориальная политика». Так, А. Дюков предлагает понимать под исторической политикой поиск оснований для предъявления политических или экономических претензий, где значимыми инструментами оказываются вымышленные факты, «замалчивание» фактов, сознательная подтасовка интерпретации исторических событий [7].

Исследователь Д.А. Аникин полагает, что термин «политика памяти» является более удачным для научного дискурса и дает ему следующее определение «политика памяти представляет собой целенаправленную деятельность по репрезентации определенного образа прошлого, востребованного в политическом контексте, посредством различных вербальных (речи политиков, учебники истории) и визуальных (памятники, государственная символика) практик» [1, с. 36]. Термины «политическое присвоение прошлого» или «мемориальная политика» в большинстве работ выступают как аналогичные то исторической политике, то политике памяти. Соответственно, государственная политика памяти представляет собой такую форму политики памяти, в рамках которой ведущим (но не единственным!)

актором выступает государство в целом или система его институтов, ответственных за соответствующую реализацию политики памяти.

Кратко резюмируя современное состояние зарубежных исследований политики памяти, выделим ряд особенностей, вне которых вряд ли возможно формирование и реализация какой-либо политики памяти (в том числе и со стороны государства).

Во-первых, для большинства исследователей некоей общей методологической парадигмой выступает конструктивистский подход, актуализирующий идеи о множественности акторов коммеморативного пространства и их политик памяти, о ситуативном характере политик памяти, множестве идентичностей [4].

Во-вторых, конструктивистская методология способствует распространению вопросов изучения динамики политики памяти как значимого предмета анализа. В этой связи особую популярность приобрела так называемая процессно-реляционная методология. Одним из наиболее известных вариантов процессно-реляционного подхода к социальной памяти является методология анализа памяти Дж. Олика, который предлагает рассматривать коллективную память не как устоявшийся теоретический конструкт, а как некую совокупность различных социальных форм, пространств и практик – от обычных воспоминаний до общих форм поддержания образца. Память для него – это социальная деятельность, процесс, а не статичный объект. Он пишет: «концептуализация памяти через явления и места упускает из виду динамику и относительность процесса воспоминания, тогда как фигурации, напротив, их сохраняют и привлекают внимание к процессам структуризации и практикам» [12, с. 46]. При этом динамический характер политики памяти трактуется также и в контексте обоснования динамичности иерархии смысловых ориентиров политики памяти сегодня, и зависимости этой динамики от социальных контекстов [3].

В-третьих, интересным объектом изучения стала идея об активном сопротивлении массового исторического сознания и его практик памяти официальным стратегиям политики памяти (М. де Серто, А. Ассман).

В-четвертых, проблемы политики памяти значительным числом авторов рассматриваются в контексте практик построения имперской и иных вариантов политической мифологии. Мифологизация прошлого рассматривается сегодня как один из важнейших инструментов политики памяти [18].

Наконец, в-пятых, авторы пишут о сложных процессах взаимодействия политических и символических границ, и как следствие образование пограничных зон исторической памяти, где влияние цивилизационных фронтиров оказывается доминирующим и порождает новые пространства исторических смыслов, основанных либо на идее диалога, либо конфликта и противостояния [2, с. 15].

Все это не столько объясняет, сколько делает формирование государственной политики памяти проблематичным. Впрочем, вопрос может быть переформулирован в проблему того, как возможно формирование децентрализованной, плюралистической и неэтноцентричной государственной политики памяти, обладающей подвижной структурой смысловых ориентиров и учитывающей вызовы и риски современности [14, с. 189]. Все это, однако, только пожелания, а не предложения, возможность которых может быть представлена лишь в контексте конкретных контекстов формирования государственной политики памяти. В рамках данной статьи сконцентрируем внимание на российском контексте.

Массовое историческое сознание в России: ценности, ориентиры, представления

Обилие эмпирических данных позволяет нам сегодня достаточно комплексно оценить состояние массового исторического сознания в современной России. Ведь именно ценности простых людей в первую очередь формируют то коммеморативное пространство, которое, подчас, может оказывать сопротивление официальным версиям исторической памяти и

академической исторической науке. Впрочем, как показывает опыт Федеративной Республики Германии – массовое историческое сознание может выступать и проводником позитивных перемен в исторической памяти, открывать ее пространство новым интерпретациям и смыслам. Что же в этой связи можно сказать о состоянии массового исторического сознания в современной России?

Многолетние опросы ВЦИОМ [13, с. 161] дают основания исследователям утверждать о существенном росте неоконсервативных представлений простых россиян, что находит выражение в таких явлениях как усилившийся в последние десять лет общественном запросе на сильную власть, ориентация населения на идеалы социальной справедливости, воплощенные в определенной ностальгии по советской эпохе в оценках всех поколений (и прежде всего эпохам Брежнева и Сталина) [6, с. 31], более острое восприятие противоречий между богатыми и бедными, чем противоречий между поколениями, общественный запрос на активную внешнюю политику, определенный «православный ренессанс». Утверждается, что «несмотря на явные ценностные перемены, наше общество остается похоже на общество 90-х в главном: оно глубоко антимобилизационно... оказалось, что мобилизационная компонента россиян направлена практически исключительно на сферу локальных интересов» [13, с. 179].

Социологические опросы, проводившиеся в нашей стране с 1989 по 2010 годы, показывают средний уровень исторических знаний населения [5; 8; 9; 10; 15; 16]. Более того, базовые исторические знания в основном представлены политической истории и биографиями известных государственных деятелей и военачальников. Исторические интересы современных россиян, как и советских граждан в конце 80-х гг. во многом направлены на эпохи Ивана Грозного, Петра I, Екатерины II, Великой Отечественной войны. Другим значимым интересом россиян продолжает оставаться семейное прошлое, причем данная тенденция практически также не изменяется с поздних советских времен. В этой ситуации именно память о Великой Отечественной войне, как отмечает

Ж.Т. Тощенко «стала фактически единственной позитивной опорной точкой национального самосознания нынешнего российского общества» [15, с. 6]. Подводя итоги социологических исследований 80-90 гг. отечественный исследователь пишет: «исследования Всероссийского центра исследования общественного мнения (ВЦИОМ), охватившего по репрезентативной выборке все население России, показали, что в 1989 г. самым выдающимся событием XX в. Великую Отечественную войну (Вторую мировую войну) назвали 77%, в 1994 г. – 73% опрошенных. В других, в том числе и региональных исследованиях, феномен Великой Отечественной войны также высоко оценивается исторической памятью <...> О том, что это событие стало символом для всего народа, всех его слоев и групп, свидетельствует тот факт, что значимость этой войны для истории народа отметили 70% юношей и девушек в возрасте до 25 лет и 82% людей старше 50 лет. А это означает, что опыт в оценке старшего поколения трансформировался и приобрел символическую значимость и для последующих поколений» [15, с. 8]. Он полагает, что историческая преемственность Российской Федерации и СССР как раз и осуществляется через осознание значения Великой Отечественной войны.

Как отмечает исследователь Д.А. Аникин, общая тенденция современной российской мемориальной культуры состоит в постепенной девальвации исторических смыслов и, соответственно, уходу в партикулярные версии исторической памяти (семья, локальная социальная группа). По его мысли, возникновение «Бессмертного полка» служит отчетливым проявлением данной тенденции. Он отмечает, что серьезной проблемой остается поляризация массового исторического сознания, отсутствие точек консенсуса между различными слоями и поколенческими группами российского социума, при которой даже День Победы перестает быть образом народного единства, становясь очередным символом размытости мировоззренческих границ [1].

Все это указывает на известные сложности формирования государственной политики памяти в России, что однако не должно

рассматриваться в пессимистической перспективе. Как показывает российско-американский исследователь С.А. Ушакин в своей недавно вышедшей книге «Патриотизм отчаяния: нация, война и утрата в России (Культура и общество после социализма)» в пост-советской России существуют различные виды сообществ, и далеко не все из них базируются исключительно на переживании потери и психологической травмы, связанной с крушением СССР и сложными экономическими реалиями новой России. Он пишет о множестве позитивных поводов, которые становятся фундаментом для создания различных общественных групп и сообществ [19].

О рисках государственной политики памяти в России

Современные и общемировые тенденции трансформации исторической памяти выступают источником целого ряда рисков, которые в скрытой или явной форме не позволяют выстроить монолитное здание государственной политики памяти в Российской Федерации. Поскольку государственная политика – это всегда определенная целенаправленная деятельность, то и краткую характеристику рисков имеет смысл развернуть, выделяя риски субъекта политики памяти, объекта политики памяти, а также риски методов политики памяти.

Поскольку ключевым субъектом политики памяти выступает государство, а в российских условиях, по преимуществу государство, то анализ ключевых рисков субъекта государственной политики памяти в России надо начать с рисков государства как базового института памяти вообще. Вместе с тем, всю группу рисков государства как субъекта политики памяти целесообразно представить в рамках групп внешнеполитических и внутреполитических рисков.

К внешнеполитическим рисками формирования в России государственной политики памяти в-первую очередь следовало бы отнести трансформации глобальных социальных процессов и, в первую очередь, разрушение привычных политических и как следствие символических границ. Другим источником рисков выступает агрессивная по отношению к России

политика памяти некоторых восточноевропейских государств, являвшихся участниками советского военного блока или бывших советских республик. Еще одним риском, актуализированным в последние годы становится противостояние Западного мира и России, порождающее новые мемориальные войны и радикализирующее отдельные символы и участки исторической памяти. К этой группе рисков примыкает противоречивый статус государства вообще как базового социального института в современном глобализирующемся мире. Отдельной темой продолжает оставаться усиление миграционных процессов и расширение полиэтнического пространства, в котором традиционные маркеры политики памяти будут неэффективны или менее эффективны.

Говоря о внутривластных рисках для формирующейся политики памяти в России можно указать на особенности той модели государства, которая сформировалась в нашей стране в последние два десятилетия. Речь идет о такой политической системе, в которой главную роль играют интересы олигархии и высшей бюрократии, проявляющих низкую степень интереса к национальным приоритетам внутренней политики. Еще одним риском в России является состояние государственного аппарата и институтов государственной власти, призванных осуществлять определенную целенаправленную политику памяти. Речь идет об инертности государственного аппарата, противоречивом состоянии ценностей государственных служащих, высоком уровне коррупции. Риск в данном случае связан с противоречиями реализации политики памяти, слабо интегрированной в современную молодежную, культурную и образовательную политику. Еще одной трудностью является сохраняющийся высокий уровень этноцентризма отдельных регионов в явной или скрытой форме реализующих свою региональную политику памяти [11].

Еще интереснее выглядят риски, связанные с объектом возможной государственной политики памяти в России. В данном случае укажем на уже отмеченный нами выше рост неоконсервативных настроений, усиление ностальгических тенденций, снижение общего уровня исторических знаний.

Инертность и консерватизм российского общества в данном случае способны блокировать рефлексивное историческое сознание, всегда взаимосвязанное с потребностью к критическому переосмыслению прошлого. Еще одним риском является усиление неоднородности населения России, иммиграционные и эмиграционные процессы. Если политика памяти – это определенная целенаправленная деятельность, то в данном случае возникает вопрос – кто будет, выражаясь языком рекламной индустрии, ее целевой аудиторией. Формирование новых социальных групп, рост этноцентризма отдельных социальных общностей существенно затрудняют реализацию монистических версий государственной политики памяти. Однако даже если мы будем рассматривать историческую память основной массы российского населения как важнейшей целевой группы, то и здесь, необходимо помнить о феномене сопротивления народной исторической памяти официальным проектам коммемораций [17]. В данном случае речь должна идти о понимании тех границ институционализации, которые очерчивают эффективность любой модели государственной политики памяти.

Наконец, отдельной группой рисков могут считать риски, вытекающие из методов и предполагаемого инструментария государственной политики памяти. Ключевой проблемой в данном случае является вопрос об отсутствии в текущей государственной политике каких-либо устойчивых ценностных ориентиров. Может быть, речь и не должна идти о «национальной идее» или «русской идее», но без системы устойчивых ориентиров разработка соответствующего инструментария политика памяти вряд ли будет «целенаправленной» и успешной. Важным источником рисков также являются проблемы взаимодействия государства как субъекта политики памяти с другими акторами коммеморативного пространства (например, независимыми медиа, корпорациями, общественно-политическими движениями, оппозиционными партиями). Вопрос в данном случае состоит в выстраивании диалога между государственной политикой памяти и другими версиями памяти. Отдельное значение здесь приобретает взаимоотношение государства и его

политики памяти с научным сообществом в деле поиска совместных ответов на «трудные вопросы» исторической науки.

Таким образом, представленный краткий и очень поверхностный анализ актуальных проблем и рисков, стоящих перед государственной политикой памяти в России явно свидетельствует о сложности данной проблемы и малоперспективности использования традиционных для нашей страны методов формирования государственной политики памяти. Известные перспективы может иметь проект государственной политики памяти как децентрализованной, плюралистической и неэтноцентричной политики памяти, обладающей подвижной структурой смысловых ориентиров и учитывающей вызовы и риски современности. Каковы границы государства в многомерном пространстве российской исторической памяти? Насколько принципы прерывности исторического смысла и постнационального понимания государства могут быть воплощены в официальном проекте политики памяти? Насколько имперская политика памяти будет адекватна реалиям трансформации глобального исторического сознания и современных метаморфоз исторической памяти? Сеем надеется, что именно в указанных контурах дальнейшие размышления о государственной политике памяти могут быть продуктивными и иметь возможную перспективу.

Список литературы:

1. Аникин Д.А. Стратегии политики памяти на постимперском пространстве // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Сер. Философия. Психология. Педагогика. Вып. 2. С. 34-38.
2. Аникин Д.А. Фронт и граница: пространственная методология в современных *memory-studies* // Философия и методология истории. Сборник научных статей VI Всероссийской научной конференции (Коломна, 27-28 ноября 2015 года). Коломна, ГСГУ, 2015. С. 8-16.
3. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛЮ, 2014. 328 с.

4. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Издательский дом ВШЭ, 2012. 408 с.
5. Головашина О.В. «Изобретающее воспоминание»: образ СССР в коммуникативной памяти первого постсоветского поколения // Конструктивные и деструктивные формы мифологизации социальной памяти в прошлом и настоящем. Сборник статей и тезисов докладов международной научной конференции. Липецк 24-26 сентября 2015 г. Тамбов, Издательство Першина Р.В., 2015. С. 250-256.
6. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: демографические тенденции и историческое сознание // Мониторинг общественного мнения. 2009. № 6. С. 5-37.
7. Дюков А. Ни одно общество в мире не может обойтись без своей "политики памяти" [Электронный ресурс] // Информационно-аналитическое сообщество «Мировоззрение Русской цивилизации» [сайт]. 18.02.2009. URL: <https://goo.gl/fwr7W8> (дата обращения: 31.10.2011).
8. Журавлев Г.Т., Меркушин В.И., Фомичев Ю.К. Историческое сознание опыт: социологического исследования // Вопросы истории. 1989. № 6. С. 118-129.
9. Историческая память в массовом сознании российского общества (результаты социологического мониторинга) // Социология власти: Вестник Социологического центра РАГС. М., 2003. № 2. 179 с.
10. Историческое сознание: состояние и тенденции развития в условиях перестройки (результаты социологического исследования) // Информационный бюллетень Центра социологических исследований АОН. М., 1991. 218 с.
11. Овчинников А.В. Учебники истории: конструирование исторических смыслов в условиях политического противостояния // Конструктивные и деструктивные формы мифологизации социальной памяти в прошлом и настоящем. Сборник статей и тезисов докладов международной научной конференции. Липецк 24-26 сентября 2015 г. Тамбов, Издательство Першина Р.В., 2015. С. 176-185.

12. Олик Д. Фигурации памяти: процессно-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 40-74.
13. От Ельцина до Путина: три эпохи в историческом сознании россиян. М.: ВЦИОМ, 2007. 224 с.
14. Сыров В.Н. В каком историческом сознании мы нуждаемся: к методологии подхода и практике использования // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 1 (21). С. 183-190.
15. Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 4-15.
16. Утенков В.М., Закалин А.С. Об историческом сознании студенческой молодежи // Социол. исслед. 2000. № 6. С. 119-122.
17. Ферретти М. Непримируемая память: Россия и война. Заметки на полях спора на жгучую тему // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: НЛЮ, 2005. С. 135-147.
18. Myth and Memory in the Construction of Community. Historical Patterns in Europe and Beyond / Во Strath (Ed.). Bruxelles, Peter Lang, 2000. 429 p.
19. Oushakine S.A. The Patriotism of Despair: Nation, War, and Loss in Russia (Culture and Society After Socialism). Ithaca, Cornell University Press, 2009. 299 p.

Сведения об авторах:

Беляев Евгений Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, проректор Липецкого эколого-гуманитарного института (Липецк, Россия).

Линченко Андрей Александрович – кандидат философских наук, доцент Липецкого филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Липецк, Россия).

Data about the authors:

Belyaev Evgenii Vladimirovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Vice-Rector of Lipetsk Environmental and Cultural Institute (Lipetsk, Russia).

Linchenko Andrei Aleksandrovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Lipetsk branch of Financial University under the Government of the Russian Federation (Lipetsk, Russia).

E-mail: gack1@yandex.ru.

E-mail: linchenko1@mail.ru.